

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-161-172

© Н. В. Калинина

**МАЛИНОВКА И МАЛИНОВЕЦ:
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СЛУГ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
И. А. ГОНЧАРОВА И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

Цикл очерков И. А. Гончарова «Слуги (Из домашнего архива)» напечатан в первых номерах журнала «Нива» за 1888 год (№ 1–3, 18). Одновременно под названием «На родине. Воспоминания и очерки» в «Вестнике Европы» (Т. 129. Кн. 1, 2) были опубликованы мемуары о поездке будущего писателя в Симбирск после окончания им Московского университета, а незадолго до этого весной 1887 года в том же журнале (Т. 124. Кн. 4) вышли его заметки о студенческих годах «Из университетских воспоминаний. Как нас учили, 50 лет назад».

Все три произведения были задуманы значительно ранее их публикации, основывались на подвергнутых переработке несохранившихся редакциях и описывали факты и события биографии Гончарова 1830–1850-х годов в хронологической последовательности. Взаимодействие пространственно-временных и композиционно-содержательных приемов внутри всего этого блока текстов вкупе с сюжетом «открытого» типа, характерным для сверхжанровых литературных форм (цикл, сборник), позволяют предположить, что изначальный замысел Гончарова простирался далее достигнутых по факту результатов. Прямым подтверждением такой точки зрения служит содержание фрагмента вступительного текста «Вместо предисловия» из черновой рукописи «Слуг...» (следующего после фразы: «Я иногда отмечал на клочках наиболее выдающиеся фигуры моих слуг...»¹), где писатель разъяснял причины, заставившие его отказаться от мысли о дальнейшей работе с накопившимся творческим материалом.

Прочитываем интересный нас отрывок целиком, включая названный выше абзац, который выглядел в автографе несколько иначе: «Я иногда отмечал на клочках наиболее выдающиеся фигуры из них, характерные черты, нравы, привычки — и забрасывал эти клочки далеко в стол, не думая делать из них когда-нибудь какое-нибудь, всего менее литературное употребление. Когда клочки попадались под руку, я пробегал, смеясь про себя, напоминанию об этих — портретах, не портретах, а больше карикатурах, которые, однако, в свое время иногда, хотя и смешили меня, но чаще подавали мне, что называется у французов, *du fil à retordre*, немало причиняли мне забот, ставили меня в критическое, беззащитное положение.

Разбирая как-то в прошлом году свой [убогий] домашний архив, утопая в хаосе писем, разных деловых бумаг, документов, — я беспрестанно нападал и на наброски воспоминаний, вроде „Воспоминаний из университетской жизни“ (недавно в апреле 1887 напечатанных <в> «Вест<нике> Евр<опы>» по просьбе редактора этого журнала), и на другие. Нашел заметки о приезде моем после университета на родину, о тогдашнем времени, о разных лицах, потом далее о переезде в Петербург.

Затем много летучих заметок о службе в Петербурге и о лицах, с которыми служил или встречался в обществе.

Всего этого беспорядочного материала набралась масса. Многие бумаги и клочки с заметками и эскизами пожелтели и изветшали. Привести этот сырой материал в порядок и обработать для печати — я уже, по летам своим, не надеюсь, да и правду сказать, не считаю эти воспоминания настолько интересными, чтобы они могли иметь права на внимание публики. Моя личность сама по себе не представляет никакого интереса, как и та скромная среда, в которой я вращался. У меня в заметках везде являются обыкновенные, скромные маленькие люди и микроскопические явления жизни.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 319. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

Надо много таланта, не моему чета, чтобы превратить этих людей в живые типы или портреты, а явления жизни в эффектные картины и сцены.²

Все это и не по силам, и не по летам моим. Есть, между прочим, у меня много набросков и заметок и о литературном кружке сороковых годов, когда я в 1846 году познакомился и сблизился с этим кружком. Часть из этих заметок вошла в мою печатную статью о Белинском. Другие наброски показались бы теперь несколько преждевременными и неудобными для печати, между прочим, и потому еще, что они касаются более интимной стороны этого кружка: характеров, личных отношений между собою литераторов, их семейной жизни и других, мало интересных для публики сюжетов.

Вот в этом архиве я отыскал и клочки с набросками портретов и характеров некоторых наиболее выдающихся моих слуг».³

Судя по дополнительной (литерной) пагинации листов вступительного раздела рукописи с названием «Из домашнего архива»,⁴ он был написан позднее самих очерков, а процитированный (и не вычеркнутый в черновом автографе) фрагмент был исключен на одном из последних этапов подготовки произведения Гончарова в печать.⁵ Заглавие «Слуги старого века» закрепилось за ним после вхождения в состав добавочного тома девятого к Полному собранию сочинений Гончарова в восьми томах.⁶

За длительную историю существования мемуарной литературы ее исходные жанровые установки, изначально тяготевшие к хроникальному (анналы, летопись) или жизнеописательному (житие, биография, патерик) типам повествования, претерпели значительную эволюцию. Документализм как ведущий принцип изложения событий уступал приемам художественной интерпретации прошлого — факт по-прежнему являлся основой изображения, но пересоздавался по законам художественного творчества. В XIX веке многие мемуары вплотную приблизились к таким жанрам художественной прозы, как роман, очерк или рассказ. «Судьбы людей, рассказанные

² По-видимому, одним из подтекстов заявленной Гончаровым литературной позиции стала полемическая отсылка к автобиографической прозе А. И. Герцена, потрясшей современников глубиной социального анализа, достоверностью психологических мотивировок и масштабом исторических обобщений. В программном предисловии к английскому изданию книги «Гюрьма и ссылка» (London, 1855), опубликованной ранее на русском языке (Лондон, 1854) и включенной затем в состав эпопеи «Былое и думы» (Лондон, 1861. Т. 1. Ч. 2), Герцен писал: «Для того, чтобы написать свои воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком или издавшим виды авантюристом, прославленным художником или государственным деятелем. Вполне достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать. Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила. <...> В другом месте я скажу, какой глубокий интерес для меня лично представляют эти мемуары и с какой целью я начал их писать. Теперь я довольствуюсь лишь констатацией того факта, что в настоящее время нет такой страны, в которой мемуары были бы более полезны, чем в России. Мы — благодаря цензуре — очень мало привыкли к гласности. Она пугает, удивляет и оскорбляет нас. Пора, наконец, имперским комедиантам из петербургской полиции узнать, что рано или поздно, но об их действиях, тайну которых так хорошо хранят тюрьмы, кандалы и могилы, станет всем известно и их позорные деяния будут разоблачены перед всем миром» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. Былое и думы. 1852–1868. Ч. I–III. С. 405–406).

³ ИРЛИ. Ф. 163 (Архив Е. А. Ляцкого). № 810. Л. 6–8.

⁴ Основной корпус рукописи пронумерован арабскими цифрами в правом верхнем углу лицевой стороны каждого сложенного вдвое листа бумаги, что свойственно всем автографам Гончарова, ведшего подсчет по двойным (полным) листам бумаги писчего (или почтового) формата.

⁵ Следует также отметить, что на последнем листе автографа после зачеркнутого простым карандашом знака концовки главы (в виде горизонтальной черточки под завершающим абзацем) тем же карандашом вписаны авторские пометы — подпись «Гончар<ов>», дата «Май 1887» и помета «Конец».

⁶ См. заметку на шмуцтитуле, предваряющем страницу с «Оглавлением» тома девять: «По желанию издателя моих сочинений И. И. Глазунова я предоставил ему помещенные в последние два года, 1887–1888, в журналах „Вестник Европы“ и „Нива“ мои литературные очерки, под заглавием „Университетские воспоминания“, „На родине“ и „Слуги“, издать в отдельном IX-м томе в дополнении к „Полному собранию“ моих сочинений в VIII томах. Автор» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: [В 9 т.]. СПб., 1889. Т. 9).

историками и мемуаристами, — трагичны, смешны, прекрасны и безобразны, — писала, рассуждая о художественных и документальных тенденциях мемуаристики, Л. Я. Гинзбург. — И все же различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда. Особое качество документальной литературы в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности. <...> Фактические отклонения <...> вовсе не отменяют <...> установку на подлинность как структурный принцип произведения <...>. Этот принцип делает документальную литературу *документальной*; *литературой* же как явлением искусства ее делает эстетическая организованность. Для эстетической значимости не обязателен вымысел и обязательна организация — отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преобразованных словом. В документальном контексте, воспринимаемом эстетически, жизненный факт в самом своем выражении испытывает глубокие превращения».⁷

Сходные творческие процессы можно увидеть и в мемуарном цикле Гончарова конца 1880-х годов. Если в воспоминаниях о Московском университете действующие лица — от государя и его министров до профессоров и студентов — фигурируют под собственными именами-фамилиями в неукоснительно соблюдаемых и соответствующих историческим реалиям пространственно-временных параметрах, то в очерке «На родине» они уже заменены вымышленными, хотя и легко идентифицируемыми для симбирского окружения писателя, «прозрачными» эквивалентами: Углицкий (А. М. Загряжский), Якубов (Н. Н. Трегубов), Бравин (М. П. Баратаев), Ростин (И. С. Кротков), Янов (И. К. или Н. К. Якоби), Сигов (Э. И. Стогов),⁸ а фактографически выверенная последовательность повествования о прошлом уступает место более свободному движению авторской мысли, регулярно перебрасывающей читателя из давно прошедшего времени в настоящее, переживаемое персонажем-рассказчиком как грядущее. При этом влияние литературной типизации усиливается уже настолько, что ощущение подлинности прототипов, послуживших основой для создания образа и характера героев, почти полностью утрачивается. В «Слугах старого века» исчезает и присущий как «Университетским воспоминаниям», так и мемуарам «На родине» сквозной сюжет, после чего композиция произведения окончательно распадается на ряд очерков в форме литературного портрета, объединенных только фигурой автора-повествователя-персонажа в лице Гончарова.⁹

Установление личных имен домашних помощников романиста весьма затруднительно. Благодаря разрозненным упоминаниям в книге «Фрегат „Паллада“» и эпистолярной писателя можно выяснить, что прототипом Матвея из четвертого очерка цикла стал некий Филипп, служивший у Гончарова в годы его проживания в доме Шамшева на Литейном проспекте № 52, в уютной квартире, о которой в письме к Н. А. и Е. П. Майковым от 20 ноября 1852 года из Портсмута он отзывался как о месте, мало пригодном для «постоянного житья-бытья».¹⁰ Из этого нелюбимого пристанища писатель отправился в кругосветное плавание: «Отъезд откладывался на сутки, и я возвращался еще провести день там, где провел лет семнадцать <с 1837-го по 1852 год. — Н. К.> и где наскучило жить».¹¹ А по возвращении на родину в нанятую друзьями квартиру в доме Коженикова на Невском проспекте № 51 был встречен все тем же преданным Филиппом-Матвеем, заботливо подготовившим новое жилье к его приезду: «Через час я уже сидел за чаем, в своем кресле, с сигарой — как будто никуда не выезжал» (7, 380).

⁷ Гинзбург Л. Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 62–63.

⁸ Подробнее об этом см.: Беспалова Е. К. И. А. Гончаров и симбирские масоны (К вопросу о реалиях очерка «На родине») // Русская литература. 2002. № 1. С. 124–135.

⁹ Вопрос о повествовательной организации «Слуг...» уже затрагивался в научной литературе о Гончарове, см.: Багаутдинова Г. Г. «Слуги старого века» И. А. Гончарова: поэтика композиции в аспекте пространственно-временной точки зрения // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. Языкознание и литературоведение. 2015. № 3 (18). С. 58–60.

¹⁰ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15. С. 109.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 16.

Степан с семьей поступил в прислугу уже после переезда Гончарова в дом тайного советника Устинова на Моховой № 3 летом 1856 года. Здесь писателю довелось прожить без малого 35 лет. Судя по письмам 1865–1869 годов и творческой рукописи «Слуг...», настоящее имя этого персонажа было Савелий, он вселился с женой и дочерью Еленой, а вместо сына, выведенного в тексте очерка под именем Петя, в действительности выступал явившийся из деревни племянник по имени Виктор Лапшин.

Окончательное обострение отношений, после которого Степану с семьей было отказано от места, произошло летом 1869 года. Некоторые подробности конфликта содержатся в письме к С. А. Никитенко от 3 (15) июля 1869 года из Парижа: «Вы сердитесь на брата Елены, что он обирал ее: это все набитая дура мать. К ним таскалось всякого народа, и она готова была угощать всех сплошь да рядом и жить какой-то помещицей. Это не брат ее, а cousin. Я всех их отпускаю, и Варв<ара> Лук<инична> к 1-му августа найдет мне новых людей».¹² Позднее, 13 (25) августа тому же адресату сообщалось о полном избавлении от тягости сосуществования с нетрезвой прислугой: «...я писал уже В. Л. Лук<ьяновой> о Вашем напрасном посещении моей квартиры и просил, чтобы она приказала новому слуге отдать Вам „Отеч<ественные> зап<иски>“, если Вы повторите визит. Старые люди, слава Богу, выехали — и — надеюсь — увезли с собой тараканов, клопов, грубости и пьянство. Но они были все-таки честны — и я отпустил Елену не с пустыми руками. Вы попали именно в промежуток, когда на квартире был один только новый человек, а семейство его еще не переехало. Мне немного страшно за Мимишку. Елена отказалась беречь ее до меня, а к новому человеку, боюсь, она не привыкнет».¹³

«Новым человеком», нанятым после увольнения Степана–Савелия, был Карл Людвиг Трейгут.¹⁴

Несмотря на вхождение значительного документального материала и очевидный автобиографический подтекст очерков, современная Гончарову критика восприняла цикл «Слуги...» как беллетристику. Н. В. Шелгунов в «Очерках русской жизни» охарактеризовал их как устаревший литературный памятник безвозвратно канувшей эпохи и, взывая к авторитету В. Г. Белинского, тщательно доказывал глубинное несоответствие этого мемуара прогрессивным запросам нового времени: «...настоящий упрек был сделан г. Гончарову Белинским, который сказал, что у г. Гончарова честного человека не отличишь от подлеца <...>. Даже у наиболее образованных писателей былого времени <...> художественный анализ не шел дальше частных и характеров. <...> Наконец, случилось нечто с самим художественным сознанием <...>, что и заставило художников призадуматься над прежнюю художественную программой, а крупных из них и отказаться от нее. <...> Писатель с прежним умственным багажом и развитием, стоявший лет сорок назад в первых рядах, теперь бы уж занял второстепенное место — настолько повысились требования и запросы жизни. <...> кому нужны теперь „Слуги“, если бы они были даже самой новейшей формации? А вообразите, что Салтыков написал сатиру на лакеев? Нет, этого вы не вообразите? А почему? Да просто потому, что какой же крупный, умный писатель станет палить из пушки по воробьям, когда для пушки есть дичь покрупнее? <...> Только слабые беллетристы занимаются еще анализом мелких частных явлений, да и слабые пройдут, не трогая лакеев <...>. Что же касается писателей крупных, как Салтыков и Успенский, то для них совершенно ясно, что теперешняя жизнь течет таким живым потоком, что не даст ни-

¹² ИРЛИ. Ф. 134 (Архив А. Ф. Кони). Оп. 8. № 11. Л. 138 об.

¹³ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 219.

¹⁴ Подробнее о К. Л. Трейгуте и его семье см.: Жданова М. Б. И. А. Гончаров и Трейгуты (новые материалы) // Материалы Междунар. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 275–286; Лобкарева А. В. О чем молчат экспонаты? // Момомах. 2002. № 2 (29). С. 16–17; Валкин М. Х. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Ульяновск, 2006; Романова А. В. Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут // Русская литература. 2016. № 2. С. 92–94; Балакин А. Ю. Вокруг завещания И. А. Гончарова // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 264–268.

чему кристаллизуются в установившуюся твердую форму. <...> художественную формой этой шири не охватишь, и беллетристы с обобщающим умом, понявшие это, примкнули к публицистам. <...> вся русская жизнь сводится теперь исключительно к движению, которое стараются изучить и беллетристы, и публицисты, и ученые, и государственные люди».¹⁵

Здесь не место подробно останавливаться на немногочисленных, но достаточно однотипных отзывах печати о творческой деградации Гончарова, равнодушного к общественным вопросам и в силу того окончательно скатившегося до «мелкого», недостойного его таланта круга тем. Полемика о «художнике-индифферентисте» (вариант: «дореформенный беллетрист»), безразличном «к явлениям внутренней гражданской жизни России», «которую, — по словам автора статьи об индифферентизме Гончарова, — некоторые критики возводили и возводят в идеал художественного творчества под различными именами: объективного творчества, олимпийского спокойствия, искусства для искусства, чистого художественного созерцания и т. д., и т. д.»¹⁶ продолжалась еще много лет. И практически неизменно, при всей разности эстетических платформ и политических позиций рецензентов, камнем преткновения в истолковании позднего творчества Гончарова становилась его недостаточная публицистичность.

Как это нередко бывает, негативные отзывы литературной критики о «Слугах...» были опровергнуты самой литературой в лице М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вопреки пафосным восклицаниям Шелгунова о немыслимости интереса к столь незначительной тематике, каковой является «сатира на лакеев», со стороны столь крупного художника, как Салтыков, в «Пошехонской старине»¹⁷ — произведении межжанровой природы, выстроенном, по мнению С. А. Макашина, на пересечении «написанного на автобиографической основе „жизня“ <...>, исторической „хроники“ <...> и „публицистики“», зачинатель обличительного направления разразился целой галереей «портретов» дворовых крепостных людей.

Это неожиданное для писателей с диаметрально противоположными траекториями художественного развития сближение не прошло мимо внимания современников. Правда, произведением Гончарова, привлеченным для сопоставительного анализа с «Пошехонской стариной», оказался не цикл «Слуги старого века», а воспоминания «На родине».¹⁸ По-видимому, поводом к сравнению послужило то обстоятельство, что первые семь глав будущей книги Салтыкова и воспоминания Гончарова вышли один за другим в одном и том же периодическом издании (Вестник Европы. 1887. № 10–12; 1888. № 1–2). Вдобавок к этому посвященные описанию «крепостной массы» главы XVII–XXV, где содержался ряд прямых переключений с циклом очерков «Слуги старого века», еще не были написаны, их первая публикация состоялась только в последних номерах журнала за 1888 год, а статья под названием «Два художника-бытописателя (Щедрин и Гончаров)» появилась в газете «Неделя» в начале того же года. Сравнивая нравы русского помещичьего дворянства в изображении Щедрина с вышедшими из-под пера Гончарова картинами быта, а также служебных и житейских отношений обитателей крупного губернского города, рецензент приходил к мысли, что, «читая <...> главы

¹⁵ Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. Кн. 6. Отд. II. С. 115–117.

¹⁶ Л. Об. [Оболонский Л. Е.]. Художник-индифферентист (По поводу смерти И. А. Гончарова) // Русское богатство. 1891. № 9. С. 150.

¹⁷ Вестник Европы. 1887. № 10–12; 1888. № 3–4, 9–12; 1889. № 1–3.

¹⁸ См.: «В небольшой уже группе наших беллетристов старой школы есть два художника, весьма резко отличающихся друг от друга как по характеру своего таланта, так и по своей литературной карьере. <...> Один — резко выраженный тип сатирика; другой — натура по преимуществу художническая. И эти-то два, столь непохожие друг на друга, художника в последних своих произведениях совершенно случайно сошлись на изображении одного и того же предмета — нашей дореформенной, крепостной старины. Параллелизм произведений — полный. <...> Читатель, наверно, уже догадался, что беллетристические новинки, о которых мы намерены поговорить, — не что иное, как <...> „Пошехонская старина“ <...> и „На родине“ <...>. Оба названные произведения, несмотря на явный след в них личных воспоминаний авторов, являются произведениями вполне художественными» (Д. [Кигн В. Л.]. Два художника-бытописателя (Щедрин и Гончаров) // Неделя. 1888. 31 янв. № 5. Стлб. 165–166).

„Пошехонской старины“ г. Щедрина, чувствуешь себя словно перенесенным в один из кругов Дантова ада», тогда как в очерке «На родине», где показано «то же крепостное право <...> и то же всеобщее бесправие <...> перед нами настоящая, обычно-человеческая жизнь». И заключал: «Как это похоже на сцены в доме Затрапезных и в то же время какая тут разница! Условия быта, права над человеком — одни и те же, но там тираническое, почти сладострастно-жестокое пользование ими, здесь — комическое русское благодушие...».¹⁹

Нельзя не согласиться, что по своему характеру, политической позиции, творческой индивидуальности и мировоззрению Салтыков-Щедрин и Гончаров были полными антиподами. Между писателями существовал обширнейший спектр разногласий, что оба отчетливо понимали, стараясь по возможности не доводить дело до прямых столкновений. Взаимная настороженность и возникшая вследствие этого дистанция в личном общении не влияли на признание силы и глубины таланта — на протяжении всей жизни литераторы внимательно следили за творчеством друг друга.²⁰ Едва ли ошибочно будет предположить, что немалую роль здесь играло не до конца осознанное литературное соперничество.

Первым произведением Салтыкова, вызвавшим искреннюю заинтересованность автора «Обломова», стали «Губернские очерки», которые под псевдонимом Н. Щедрин печатались в журнале «Русский вестник» в течение 1856–1857 годов. Книга получила исключительно положительную оценку со стороны критики и имела феноменальный успех у широкого круга читателей.

На глубинную связь опустившегося персонажа цикла «Талантливые натуры» Павла Петровича Лузгина в «Губернских очерках» и поэтического ленивца Ильи Ильича Обломова в романе Гончарова впервые указал А. Г. Цейтлин.²¹ Негативный отзыв в письме Салтыкова-Щедрина к П. В. Анненкову, последовавший после прочтения первой части романа «Обломов» (при полном одобрении «Сна Обломова», высказанного там же),²² мог объясняться тем, что сатирик, уловивший сходство центрального мужского характера в этих произведениях, был крайне недоволен его интерпретацией — отталкивающий портрет Лузгина проигрывал располагающему своей «голубиной чистотой» образу Гончарова.

Творческим откликом на выход «Обломова» стал замысел города Глупов, задуманный Салтыковым как цикл очерков под рабочим названием «Глупов и глуповцы» для журнала «Современник».²³ «Глупов начала 60-х гг., — пишет З. Т. Прокопенко, — следует рассматривать как протест против застоя, косности и, главное, против восприятия „глуповского“ образа жизни как нормального человеческого существования. <...> Первый очерк щедринского цикла, в котором проступает Глупов, поразительно напоминающий Обломовку, называется „Наши глуповские дела“ (1861). Сравним „Сон Обломова“ и названный очерк путем текстовых параллелей. Предоставим слово Гончарову: „Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край?“ — так начинается „Сон Обломова“. Очерк Щедрин воспринимается как ответ на этот риторический вопрос: „Вот и опять я в Глупове: вот и опять потянулись заборы да пустыри; вот и опять широкой лентой блеснула в глаза река Большая Глуповица и узенькой — маленькая Глуповица; вот и опять пахнуло на меня ароматами свежееиспеченного хлеба... Детство! Родина, вы ли это?“».²⁴

¹⁹ Там же. Стлб. 166–167, 169–170.

²⁰ Подробнее об этом см.: Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. Воронеж, 1989. С. 110–124.

²¹ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 168–169.

²² Подробнее об этом см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 287–289.

²³ Цикл «Глупов и глуповцы» не был допущен к печати; часть очерков была затем включена в циклы «Сатиры в прозе» («Литераторы-обыватели» (Современник. 1861. № 2), «Клевета» (Там же. № 10), «Наши глуповские дела» (Там же. № 11); «Наш губернский день», главы 1–2 и 4 (Время. 1862. № 9)) и «Невинные рассказы» («Деревенская тишь» (Современник. 1863. № 1–2); «Наш губернский день», глава 3 (Там же. № 3)).

²⁴ Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. С. 71; см. также: Прокопенко З. Т. Концепция национального менталитета в творчестве

Наиболее резкий выпад в адрес Гончарова был предпринят Салтыковым уже на ниве литературной критики. В хрестоматийной статье «Уличная философия (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»)» сатирик обрушивался на только что вышедший из печати роман с нескрываемой язвительностью. Отметив, что в прежних своих сочинениях Гончаров «воздерживался от ясного заявления каких-либо политических или социальных взглядов на современность», Салтыков усматривал в новом произведении писателя все признаки «ходячего учения» сороковых годов, основная суть которого заключалась в широко понятой «гуманности» и вере в самоценность искусства. С его точки зрения, «гуманность» такого рода «очень близко граничила с туманностью», представляла собой «нечто в высшей степени неопределенное» и давно исчерпала свое содержание «во всех применениях и комбинациях». Но самым ожесточенным нападом была подвергнута авторская оценка мировоззрения Марка Волохова в главе шестой части пятой, преподнесенная в романе как мысли Веры.²⁵

Роль статьи «Уличная философия»²⁶ для литературной репутации Гончарова в контексте русской общественной мысли 1860–1870-х годов неоднократно освещалась в научных трудах,²⁷ поэтому заострим внимание на другом аспекте этой темы, возможно ускользнувшем от исследователей. Один из принципиальных упреков Салтыкова-критика состоял в несоответствии поступков Марка тому образу мыслей, что приписывались ему автором в главе шестой. Ведь на описанные ранее «выходки» этого персонажа могли быть способны только люди, «страдавшие отсутствием образа мыслей, нежели наоборот, <...> например, всякого рода забудьды, лихачи-кудрявичи, ухари и т. п.» (IX, 70). «Мысль есть функция крайне неуловимая и колеблющаяся; — писал Салтыков, — чтобы иметь возможность с уверенностью сказать, что вот такая-то мысль составляет существенное и жизненное достоинство такого-то субъекта <...>, надобно, чтобы она выразилась или в целом ряде повторительных действий, или хотя и в одиночном действии, но настолько характерном и решительном, что оно дает поворот целой жизни, или же, наконец, в полной и строго соглашенной теории» (IX, 82).

Подмеченное противоречие послужило веским аргументом в пользу главных утверждений статьи Щедрина, настаивавшего на том, что «*интерес* беллетристического произведения, <...> всегда пропорционален степени умственного развития автора» и мнение писателей не должно зависеть от «уличной философии», основанной на предрассудках и заблуждениях. В том числе и потому, что «подобная догматика, особенно ежели содержание ее детское, может серьезно повредить художественной стороне их произведений» (IX, 64–65).

Парадокс состоял в том, что несколько ранее в программной статье Салтыкова-Щедрина «Напрасные опасения», вышедшей в десятой книжке «Отечественных записок»

русских писателей XIX века (https://ruskline.ru/analitika/2011/04/09/koncepciya_nacionalnogo_mentalitet_a_v_tvorchestve_russkikh_pisatelej_xix_veka; дата обращения: 12.07.2023).

²⁵ Впервые: Отечественные записки. 1869. № 6. Разд. «Современное обозрение». Цит. по: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 69, 64, 66–67. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страниц арабскими цифрами.

²⁶ Статья была опубликована без подписи, что можно объяснить нежеланием Щедрина, чтобы его публицистическое выступление было расценено как личный выпад против Гончарова и исходило от всей прогрессивной литературной партии, возглавленной журнальной редакцией «Отечественных записок»; подробнее об этом см.: Гуськов С. Н. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа) // Материалы V Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2012. С. 281–282.

²⁷ Перечислим лишь некоторые из них: Евгеньев-Максимов В. Е. К характеристике журнальной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 31–55; Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы: Биография. М., 1984. С. 390–391; Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. С. 110–124; Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 131–132; Гродецкая А. Г. Иван Александрович Гончаров // М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедический словарь / Сост. и ред. Е. А. Строганова. СПб., 2021. С. 112–113.

за 1868 год, им был поставлен вопрос о чрезвычайной затруднительности изображения «нового типа русского человека», сложившейся из-за «рутинных понятий о добродетели», осмеянных в глазах читателя еще во времена Гоголя. Предубеждение перед многочисленными примерами добродетели, состоящей в «приятных отношениях <...> с пошлостью», породило при попытке «к объяснению» целей и принципов «нового типа» немало крайностей. В итоге беллетристика пополнилась галереей «невыношенных» и «безжизненных» образов, которые отличаются тем, что «очень мало выражают себя в действии и, напротив того, слишком много предаются теоретизированию различных поступков и действий; <...> не поступают, а только толкуют о том, как поступать должно» (IX, 26–27).

Кроме сложно преодолимых моральных клише, Салтыков назвал и объективные препятствия. Это ограниченность области применения идеологии новых людей, навлекших на себя «неприятное» отношение со стороны общества, которое не допускает их к «деятельному участию в жизни». «При таком настроении большинства новый человек делается невольным теоретиком, — рассуждает Щедрина. — А так как искусство, имеющее предметом объяснение человеческого образа, ведает исключительно поступки, а не абстрактные взгляды, то понятно, какую ошутительную пустоту должно представить для него то фаталистическое условие, которое преградило или, по малой мере, затруднило для изучаемого субъекта возможность свободного внешнего проявления. За какие типические черты может ухватиться художник-наблюдатель, когда эти черты почти неприсутны в своей абстрактности <...>?» (IX, 29). После чего приходит к выводу, что «деятельного» героя следует искать в недостаточно освоенном литературой сегменте русской жизни: среди простонародья и разночинной интеллигенции, выступившей на его защиту.

Возможно, внимательное знакомство Гончарова с этой статьей Щедрина, вышедшей в разгар напряженной работы над главами XVIII–XXII части пятой романа «Обрыв», стало толчком для переосмысления конфликта и идейно-психологической концепции центральных мужских характеров: Бориса Райского, Марка Волохова, Ивана Тушина. Именно к этому времени относится решение отказаться от двух глав, начинавшихся со слов «Он только что пришел домой...»; «Райский отправился отыскивать Марка...»²⁸ и следовавших в черновой рукописи «Обрыва» за главой XXI части пятой, после чего сделан ряд замен и дополнений в текст главы VI (в том числе столь возмущивший Салтыкова фрагмент «о случайном порядке бытия, где люди <...> толпятся как мошки»)²⁹ и поправок в главу XVIII. Логика внесенных изменений состояла в корректировке суждений Волохова, направленной на создание образа вставшего в заблуждение «теоретика поневоле», и введении комплиментарных оценок естественной нравственности и «деятельной натуре» Тушина («Удивление это росло по мере того, как Райский пристальнее изучал личность этого друга Веры. И в этом случае фантазия сослужила ему обычную службу, осветив Тушина ярко, не делая из него, впрочем, никакого романтического идеала: личность была слишком проста для этого, открыта и не романтична»; «Это был чистый самородок, как слиток благородного металла, и полюбить его действительно можно было, кроме корыстной или обязательной любви, то есть какую могли любить его жена, мать, сестра, брат, — еще как человека» и др.).³⁰ Работа по уточнению деталей, в результате которой функция прогрессивного героя должна была полностью перейти к Тушину, продолжилась и далее, вплоть до внесения изменений в корректуру и сверстаные листы; например, дополнение абзаца о «единственном непогрешительном» «старом учении» в главе VI, замена концовки главы XVII или более мелкие, но существенные добавления (вроде фразы: «Тушины — наша истинная „партия действия“ ~ на всей лестнице общества»)³¹ в главе XVIII части пятой.

Таким образом, писатель не только подхватывал поставленную Салтыковым «проблему героя», но и заметно повышал социальную тональность романа, усложнив

²⁸ См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Кн. 1. С. 500–525.

²⁹ Там же. Т. 7. С. 660; Т. 8. Кн. 2. С. 489.

³⁰ Там же. Т. 7. С. 732, 733; Т. 8. Кн. 2. С. 564, 565.

³¹ Там же. Т. 8. Кн. 2. С. 490, 562, 571.

природу конфликта за счет семантического сдвига с любовно-психологической на мировоззренческую основу. Каково же, после предпринятых им усилий, было получить взамен публицистическую статью с обвинениями «почтенного автора» в неверном понимании текущей литературной ситуации и полной художественной несостоятельности его произведения? Выведенный из равновесия Гончаров решил ответить.

Заручившись поддержкой Н. А. Некрасова,³² он планирует написать «Предисловие» к ожидавшемуся в начале 1870 года отдельному изданию романа «Обрыв», как для того чтобы оправдаться перед судом литературной критики, так и с тем чтобы отклонить «упреки в враждебном будто бы отношении моем к новому поколению, выраженном в лице одного из действующих лиц романа <...> Марка Волохова» (8, 141) в глазах читателя. Для опровержения последнего из тезисов в ход была пущена наиболее развернутая аргументация: уравняв «самозванца „новой жизни“» с «седым романтиком» Райским,³³ писатель вычеркивал «не признанного никем апостола» из круга прогрессивно мыслящей молодежи и переводил персонажа из социально-возрастной группы в литературную категорию «лишних людей».

Но такая подмена понятий ставила авторскую интерпретацию на грань логического абсурда. Гончаров сомневался как в обоснованности, так и в целесообразности написанного текста, поэтому ближе ко времени сдачи романа в печать обратился к П. В. Анненкову и А. Д. Галахову с просьбой оценить статью. В письме к Анненкову от 8 января 1870 года он попросил ответить: «1) то ли у меня в статье Волохов, что он есть в книге? 2) то ли я говорю про Белинского и вообще про тогдашних деятелей? 3) нет ли противоречий, пошлых общих мест и т. д.? Есть ли что-нибудь недосказанное?» (8, 426). Выслушав замечания (в том числе и по поводу «противоречий о Марке Волохове»), он снял текст с публикации.³⁴

Интересно, что сформулированное в «Предисловии...» «двойничество» Райского и Волохова, которое сложно воспринять иначе, чем авторское лукавство или казус, отозвалось затем на страницах рассказа «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» из цикла Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши», опубликованного в девятом номере «Отечественных записок» за 1873 год. В пародийном пространстве сатирического очерка героини-антагонисты романа «Обрыв» превратились в карикатурных персонажей свиты помпадур Федора Павлыча Кротикова (губернатора, переметнувшегося из либерального лагеря на сторону консерваторов): «Прежде всего он бросился очищать персонал своей собственной администрации. <...> Начав с своих

³² Сведения об этом содержатся в письме к С. А. Никитенко от 26 июня (8 июля) 1869 года из Киссингена: «Сюда приехал Некрасов: так как у меня с ним никогда никаких стычек не было, <...> я сейчас же спросил его о ругательной статье против меня в „Отечественных записках“ — он как будто удивился, взял у меня 5-ю часть романа, прочел, прибежал ко мне с восторженными восклицаниями, сказав, что я *ничего* подобного не писал, что вся драма 5-й части — *chef-d'œuvre* и т. д., и выразил удивление, как могли принять это за войну новому поколению, когда я изобразил только нелепые крайности самозванных новых людей, сказал, что меня не поняли, что я должен непременно печатать отдельно и написать предисловие и растолковать мысль и цель романа» (8, 418).

³³ См.: «Очевидно, что ни Волохов, ни Райский — ни тот, ни другой не могут представлять собственно собою ни нового, ни старого поколения, а только некоторую фракцию, в самом незначительном размере. И Райские и Волоховы будут являться среди всех поколений, с свойственными каждому поколению отличиями, настолько, насколько лень, безделье, нетрезвое понимание действительности и другие, свойственные обоим недостатки будут уделом самого общества» (8, 146).

³⁴ См. его признание в письме к П. В. Анненкову от 19 января 1870 года, где после сообщения, что он «по указаниям Алексея Дмитриевича старался согласить противоречия о Марке Волохове, но не только не согласил, а еще больше потерялся в них», писатель объявлял о своем решении совсем не публиковать «Предисловие...». «В статье моей неверно, между прочим, говорится о том, что будто Марк Волохов относится не к новому поколению, а ко многим поколениям, — пишет он, — неправда, в нем *résumé* всего, что исповедует новейшее поколение, изображенное мною в уродливых крайностях, следовательно, отнимая его от нового поколения, я как будто увертываюсь, а вот этого я и не хочу. Может быть, он намекает у меня на крайности и прежних поколений, но мало. Всего более он рисует новейшие типы мальчишек, неучей, с претензией вести общество вперед, чего в наше время не было. <...> Я передельвал, колебался, начал было писать новое, но вижу, что, кроме вреда себе и книге, ничего не выйдет» (8, 427–428).

приближенных, он выказал при этом такую решимость, что многие тут же раскаялись и только этим успели избежать заслуженной кары. Первым принес покаяние правитель канцелярии Лаврецкий и увлек за собой чиновников особых поручений Райского и Веретьева. Лаврецкий в это время уже являл собой только жалкое подобие прежнего Лаврецкого. <...> Что же касается до Райского и Веретьева, то первый из них не решался выйти в отставку, потому что боялся огорчить бабушку, которая надеялась видеть его камер-юнкером, второй же и прежде, собственно говоря, никогда не был либералом, а любил только пить водку с либералами <...>. Из остальных либералов Марк Волохов отнесся к Феденькиным проказам как-то загадочно, сказав, что ему кто ни поп, тот батька и что таких курицыных детей, как обыватели Навозного, всяко возродить можно. <...> Ряды либералов странным образом поредели, и затем в течение какого-нибудь месяца погибли все молодые насаждения либерализма. Земская управа прекратила покупку плевалниц, ибо Феденька по каждой покупке входил в пререкания; присяжные выносили какие-то загадочные приговоры, вроде „нет, не виновен, но не заслуживает снисхождения“ <...>. Вдали показывался грозный призрак сибирской язвы. <...> Как ни скромно держала себя Анна Григорьевна, но и ее устрасила перспектива сибирской язвы. Марк Волохов подметил в ней этот спасительный страх (увы! она против воли чувствовала какое-то неопределенное влечение к этому змиоискусителю, уже успешному погубить родственницу Райского) и всячески старался эксплуатировать его.

— Съедят они и вас и вашего помпадур, и водку всю у вас вылакают! — угрожал он ей. — Это, сударыня, сила! Берегитесь, да и помпадур-то поберегите! Мне что! Я уложил чемодан — и был таков! А мне вас жалко! Вас я жалеючи говорю — вот что, красавица вы наша!» (VIII, 182–184). Возможно, содержание ненапечатанного «Предисловия...» к «Обрыву» было, в качестве своеобразного литературного анекдота, доведено до сведения Салтыкова Анненковым, с которым он был по-настоящему дружен. Так или иначе, но «Обрыв» по-прежнему занимал творческое воображение сатирика.

Вернемся к книге «Пошехонская старина» и циклу очерков Гончарова «Слуги старого века». Сохранилось мемуарное свидетельство Л. Ф. Пантелеева, зафиксировавшее смысловую связь между этими произведениями: «По поводу „Пошехонской старины“ припоминаю два разговора.

— Читали вы „Слуг“ Гончарова? (Только что тогда появились в «Ниве»).

— Да.

— Что же о них думаете?

— Да как-то незначительно для Гончарова. Вот я ему покажу настоящих слуг прошлого времени.

В это время Михаил Евграфович писал „Пошехонскую старину“.³⁵

Казалось бы, приведенная цитата недвусмысленно отсылает читателя к названным произведениям — «Слугам старого века» и «Пошехонской старине». Почему же тогда в восприятии современников, незнакомых с процитированным мемуаром, возникали ошибочные ассоциации?³⁶ Как уже говорилось выше, немаловажное значение мог иметь тот факт, что к моменту появления первых рецензий в печати оба произведения не были еще завершены и их сопоставление было попросту преждевременно. Однако инерция соотнесения пошехонского «раздолья» с очерком «На родине» (где описывалось житье хоть и «своим домом», но все-таки в крупном губернском городе) сохранилась и продолжается и поныне.³⁷

Из сказанного ранее можно заметить, что из всех видов литературной коммуникации: в эпистолярной (где в силу конфиденциальности жанра оба писателя подчас позво-

³⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 189.

³⁶ Кроме уже упомянутой выше рецензии В. Л. Кигна, где «Пошехонская старина» сравнивалась с воспоминаниями Гончарова «На родине», см. также: *Экс. Дневник // Биржевые ведомости*. 1888. 8 янв. № 8. С. 1–2; *Уманский А.* [Дробыш-Дробышевский А. А.]. Литературные заметки // *Казанский биржевой листок*. 1888. 30 дек. № 288. С. 2.

³⁷ См., например: *Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века*. С. 207–211.

ляют себе не самые сдержанные оценки), в публицистике (где при той же непримиримости суждений соблюдается приличный тон и подобающая ему лексика), в творческих текстах (в диапазоне от прямых упоминаний и цитат — до аллюзивных отсылок, тематических параллелей, скрытой полемики и прототипирования³⁸), наиболее продуктивной для взаимоотношений Гончарова и Щедрина является последняя. Кодом узнавания одного текста в другом могут служить имена персонажей, названия произведений, указание места действия, перифразировка фрагмента текста-источника.

Опираясь на эти критерии, можно заключить, что паронимия вымышленных топонимов Малиновка и Малиновец у Гончарова и Салтыкова-Щедрина вряд ли случайна. Название усадьбы Затрапезных Малиновец возникает только на последнем этапе создания «Пошехонской старины» (1887–1889). В рукописной редакции одноименной для взаимоотношений Гончарова и Щедрина является последняя. Кодом узнавания одного текста в другом могут служить имена персонажей, названия произведений, указание места действия, перифразировка фрагмента текста-источника.

Таким образом, думается, что название родового гнезда Затрапезных Малиновец может служить «„свернутым указателем“ чужого текста»,³⁹ отсылающим не к воспоминаниям «На родине», а к роману «Обрыв» с целью дать читателю возможность иной, чем в тексте-источнике, интерпретации художественного пространства. В наибольшей степени это релевантно по отношению к первой части книги «Пошехонская старина» (1887), которая в исследовательской литературе чаще всего фигурирует как «галерея господ» (гл. I–VI). Представление о границах, характере и методах управления собственностью Татьяной Марковной Бережковой, «деспоткой <...> от привычки владеть крепостными людьми»,⁴⁰ многократно подсвечивается описанием хозяйственной деятельности матушки Никанора Затрапезного, проблематизируя едва намеченные Гончаровым темы: запрет на браки среди дворовых, упразднение месячины, отношение к незаконнорожденным, курению и пьянству, патриархальный страх перед любыми денежными расчетами, стремление к натуральному ведению хозяйства и полному самообеспечению своими, а не «купленными» предметами потребления, экономность и бережливость в Малиновке, доведенная до паталогического скопидомства в Малиновце и т. п. Количество точек пересечения и отбор материала наводят на мысль о большей, чем простое типологическое сходство, интенсивности смысловых связей с романом «Обрыв» и позволяют говорить о продолжении скрытой полемики Щедрина с Гончаровым. Тот факт, что жанр и повествование «Пошехонской старины» свободны от элементов сатирической поэтики, только усиливает это впечатление.

Сигналом, отсылающим к тексту гончаровского очеркового цикла «Слуги старого века», служит авторское примечание к очередной, написанной летом 1888 года, части третьей книги «Пошехонская старина» (гл. XVII–XXV), содержание которой сам писатель определил как «портретная галерея „рабов“». В небольшом по объему тексте оговаривалось, что «материал для этой галереи» взят «исключительно в дворовой среде» (XVII, 251), далее же выяснялось, что жизнь крепостных крестьян на селе была Салтыкову почти так же мало известна, как и Гончарову: «...я лично знал только быт оброчных крестьян, да и то довольно поверхностно <...> в Малиновце нас не только в гости к крестьянам не отпускали, но в праздники и на поселок ходить запрещали. Считалось

³⁸ Некоторые характерные черты Гончарова, возможно, отразились «в образе изрядно правившего к концу жизни либерала 40-х годов из рассказа Салтыкова „Старческое горе“ (1879)» (Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 212); Салтыков-Щедрин стал прототипом газетного критика Крякова в очерке Гончарова «Литературный вечер» (1880) (см. об этом: Гейро Л. С. И. А. Гончаров и М. Е. Салтыков-Щедрин (О «Литературном вечере» Гончарова) // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1967. Вып. 3. № 14. С. 84–93).

³⁹ Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока // Минц З. Г. Блок и русский символизм. Избр. труды: В 3 кн. СПб., 1999. Кн. 1. Поэтика Александра Блока. С. 387.

⁴⁰ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 201.

неприличным, чтобы дворянские дети приобщались к грубому мужицкому веселью» (XVII, 254). Напомним, что в авторском предисловии к «Слугам...», оправдываясь за отсутствие в его творчестве произведений о народе, Гончаров приводил такие же аргументы: «...я не знаю быта, нравов крестьян, я не знаю сельской жизни, сельского хозяйства, подробностей и условий крестьянского существования, или если знаю что-нибудь, то это из художественных и других очерков и описаний наших писателей» (7, 316).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-172-180

© А. В. Вдовин

**БЫЛ ЛИ М. М. ДОСТОЕВСКИЙ АВТОРОМ РЕЦЕНЗИЙ
НА НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ МАРКО ВОВЧОК В ЖУРНАЛЕ «СВЕТОЧ»?
(ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«Г-Н – БОВ И ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ»)**

Критическая рецепция народных рассказов Марко Вовчок (псевдоним М. А. Маркович, урожд. Вилинской) из украинского и русского крестьянского быта в советское время была неплохо изучена.¹ Особенный интерес она представляла с точки зрения истории русской критики и публицистики, поскольку такие критики и писатели первого ряда, как А. В. Дружинин, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и, конечно же, Ф. М. Достоевский посвятили творчеству М. А. Маркович обстоятельные статьи. Некоторые из них носили программный эстетический характер, как, например, известный полемический манифест Достоевского «Г-н – бов и вопрос об искусстве» (1861). Как известно, редактор журнала «Время» в этом насыщенном тексте не только полемически оспорил эстетические представления Добролюбова, но и предложил собственную, весьма скептическую, трактовку русских рассказов Марко Вовчок. Статья была, казалось бы, исчерпывающе прокомментирована В. А. Тунимановым в 18 томе Полного собрания сочинений и писем Достоевского. В частности, комментатор справедливо и доказательно пишет о влиянии на писателя двух анонимных рецензий на рассказы Марко Вовчок в журнале «Свечеч» за 1860 год (№ 1, 10). Туниманов приписывает эти статьи перу М. М. Достоевского, не приводя никаких серьезных аргументов, лишь ссылаясь на более раннюю статью Г. М. Фридендера об этом «предпочвенническом» журнале.² Нижеследующее сообщение ставит задачу отвести авторство М. М. Достоевского и выдвинуть убедительные аргументы в пользу атрибуции двух рецензий о прозе Марко Вовчок основному редактору «Свечеча» Александру Петровичу Милюкову. Сразу следует оговорить, что атрибуция будет основываться не на безапелляционных документальных подтверждениях (каковыми являются рукописи, конторские книги или свидетельства из переписки — они до сих пор не обнаружены), а идейные, стилистические и биографические совпадения и пересечения между несомненно принадлежащим Милюкову текстом и обсуждаемыми рецензиями.

Впервые гипотезу об авторстве Милюкова высказал Г. М. Фридендер в упомянутой этапной статье об идейной позиции журнала «Свечеч», однако он лишь предположил, что авторами двух рецензий на рассказы Вовчок мог быть «А. П. Милюков,

¹ Содержательный обзор отзывов критиков в русле традиционной истории рецепции см.: *Дорошкевич О. К.* Реалізм і народність української літератури ХІХ ст. Київ, 1986. С. 129–145. Наиболее полный перечень критических отзывов представлен в словаре С. А. Венгерова: *Венгерова С. А.* Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. 4. С. 176–179.

² *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 277. Примечательно, что в монографии того же времени В. А. Туниманов воздержался от указания авторства рецензий (*Туниманов В. А.* Творчество Достоевского 1854–1862 годов. Л., 1980. С. 213; прим. 32).